

Литературные листки - прил. к
"Рос. Вестям" - 1996 - 10 окт. - с.3

III

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Родился в 1913 г. в г. Белая Церковь (Украина). В 1935 г. окончил Киевский театральный институт. Кандидат искусствоведения. Участник Великой Отечественной войны. Около 20 лет посвятил театру, а в 1949 г. после статьи в «Правде» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» был изгнан отовсюду как «безродный космополит». По приглашению К. Симонова переезжает в Москву для работы в редколлегии журнала «Новый мир». Наряду с литературно-критическими статьями начал писать прозу: рассказы, повести, романы, преимущественно исторического жанра («Русский флаг», «Восстань из тьмы», «Единойды солгав» и многие другие), а также драматургические произведения, многие из которых были экранизированы («Три тополя на Плющихе», «Дамский портной» и др.). В последние годы выпустил две книги мемуарной прозы - «Записки баловня судьбы» и «Обвиняется кровь». Награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

В Ливнах, на берегу Быстрой Сосны

Дни Константина Паустовского на Орловщине, в Ливнах...

Не каждый, даже из почитателей выдающегося писателя, ответил бы на недоуменные вопросы наших поездных попутчиков: почему, собственно, Ливны? Нов самих Ливнах, в городе и в округе, кажется, не нашлось бы грамотного, читающего человека, который не был бы убежден, что Паустовский принадлежит его земле, луговому раздолью, царственным изгибам реки Сосны, здешним дубравам и целительному воздуху.

Не чья-то прихоть привела сюда в начале августа 1996 года десятки знатоков творчества Паустовского, гостей из ближнего и дальнего зарубежья. В России и в странах СНГ растет число библиотек, принимающих имя Паустовского, и спонтанно возникают культурные объединения, центры и товарищества, деятельность которых так или иначе связана с жизнью и творчеством Константина Георгиевича, с обострившимся интересом славистов и филологов Европы и обеих Америк к его наследию, с участвовавшимися переводами книг Паустовского. Напомню, что именами Паустовского, Цветаевой и Фета был обозначен в красном Мировом календаре ЮНЕСКО год 1992-й, год столетия Паустовского.

Примечательный и полный высшего значения факт: в Литве профессор русской литературы и славистики Л. В. Судавечене практически осуществляет выпуск полного, исчерпывающего, научного словаря Паустовского. Уже открыты словарные запасы первых трех литер - издание скромное, малотиражное, полиграфически бедное, но трудно переоценить значение этой работы. Вспомним, что подобными словарями у нас удостоены пока, кажется, только двое великих - Пушкин и Салтыков-Щедрин.

Мы только сейчас, спустя многие десятилетия, приближаемся к пониманию все возрастающей популярности Паустовского, ее уверенной, спокойной, неторопливой поступи; научаемся ценить его не как нетерпеливые и скорые на суждения (и осуждения!) современники его, а пристальнее и глубже.

В 1961 году в Москву приехал

что-то позвало журналистов из Одессы, которым пришлось разместиться не в гостинице, а в нашем купейном вагоне, дождавшемся нас в Ливнах, ибо одеситам как... иностранцам не по карману оказалась ливенская гостиница по сказочным ценам для чужеземцев. Что-то толкнуло в Ливны молодого сельского столяра из Краснодарского края, уверовавшего в двух святых российской духовности, в Чехова и Паустовского, Дмитрия Лабутина, готового примчаться хоть на край света; что-то привело сюда поэта из Полтавы, Федора Гарина, тоже отправленного на вагонную полку непреклонным гостиничным начальством. Что-то толкнуло к нам в эти дни жителя Запорожья, учителей, ученых, а почтовиков Ливен поразила телеграмма из Бразилии, из Сан-Паулу, от Ноз Силва, филолога, исследователя творчества Паустовского, известившего, что, к великому сожалению, он не успеет в Ливны, так как только вчера с успехом защитил докторскую диссертацию о жизни и творчестве Паустовского.

Мир Паустовского и Ливны! На первый взгляд это покажется несоразмерным, чтобы соединить две эти реальности, нужны десятки, если не сотни страниц Паустовского, главы из истории его жизни, письма писателя и, если угодно, его жизненная вера и философия. Когда мы сообщали имя для журнала, родившегося в недрах литературного Музея-Центра Паустовского в

теи нынешним летом, приняли без шумихи и помпезности, таких ненавистных Константину Георгиевичу. Более всего разговор шел о двух его долгих приездах в Ливны, о судьбах многих ливенцев, давно умерших и тех, кто еще жив, - увы, их, старых знакомцев, осталось очень мало, - о рождении в ливенские приезды нескольких рассказов Паустовского, но более всего о повести «Кара-Бугаз», мысль о которой зародилась в Ливнах, толчком послужила дружба с геологом Александром Дмитриевичем Нацким, фигуру которого, его образ писатель увековечил в главном действующем лице повести, геологе Шацком.

Что ж, едва ли не каждый писатель за годы работы и скитаний обретает новых друзей, «подпитывается» чужими жизнями, драмами и откровениями. Но очень немногим даются эти случайные встречи с таким проникновением в судьбы людей, с таким пониманием их неразрывной связи с жизнью народа, с историей современности, которая соединяет их навсегда. Мало сказать: Паустовский побывал в Ливнах в середине двадцатых годов, а затем - в 1931 году. Ливны стали частью его жизни, столь же сущей, как и Солотча или Одесса, при всей несоразмерности масштабов и времен. Приняв в себя с сыновней благодарностью Ливны, он стал навсегда страницей истории Ливен.

Слушая выступления почитателей и знатоков творчества Паустовского, убеждаешься воочию,

самых Ливнах, в городе и в округе, кажется, не нашлось бы грамотного, читающего человека, который не был бы убежден, что Паустовский принадлежит его земле, луговому раздолью, царственным изгибам реки Сосны, здешним дубравам и целительному воздуху.

Не чья-то прихоть привела сюда в начале августа 1996 года десятки знатоков творчества Паустовского, гостей из ближнего и дальнего зарубежья. В России и в странах СНГ растет число библиотек, принимающих имя Паустовского, и спонтанно возникают культурные объединения, центры и товарищества, деятельность которых так или иначе связана с жизнью и творчеством Константина Георгиевича, с обострившимся интересом славистов и филологов Европы и обеих Америк к его наследию, с участвовавшими переводами книг Паустовского. Напомню, что именами Паустовского, Цветаевой и Фета был обозначен в красном Мировом календаре ЮНЕСКО год 1992-й, год столетия Паустовского.

Примечательный и полный высокого значения факт: в Литве профессор русской литературы и славистики Л.В.Судавечене практически осуществляет выпуск полного, исчерпывающего, научного словаря Паустовского. Уже открыты словарные запасы первых трех литер - издание скромное, малотиражное, полиграфически бедное, но трудно переоценить значение этой работы. Вспомним, что подобными словарями у нас удостоены пока, кажется, только двое великих - Пушкин и Салтыков-Щедрин.

Мы только сейчас, спустя многие десятилетия, приближаемся к пониманию все возрастающей популярности Паустовского, ее уверенной, спокойной, неторопливой поступи; научаемся ценить его не как нетерпеливые и скорые на суждения (и осуждения!) современники его, а пристальнее и глубже.

В 1961 году в Москву приехал известный писатель и общественный деятель Артур Лундквист, швед, член королевского комитета по Нобелевским премиям. Он прилетел в Москву, чтобы познакомиться с Паустовским - Лундквист работал над предисловием к изданию «Повестей о жизни» на шведском языке, убежденный в том, что из всего выдвинутого в ту пору на соискание Нобелевской премии автобиографический труд Константина Паустовского самый весомый, талантливый и важный для мира.

«В этих книгах, - сказал он мне, - я впервые нашел ответ на то, чем же были потрясены мир, в известной мере изменившие мир, события в России 1917 - 1922 годов. Я узнал о судьбах многих миллионов русских, о величии истерзанной страны, об ее удивительной интеллигенции. После многих чересчур ангажированных и политизированных книг повести Паустовского оказались для меня открытием мира, отнюдь не замкнутого рамками России. А как поразительно, как живо, но вместе с тем с какой классической силой это написано! Более волнующего путешествия я в своей жизни не проделывал...»

Почему же так радовались ливенцы, жители городка с населением меньше шестидесяти тысяч, принимая у себя знатоков и почитателей Паустовского, принимая его сына, Вадима Константиновича, мальчишкой избегавшего здешний высокий берег Сосны?

В эти дни они приобшились к товариществу и в а Паустовского, вошли в него желанными, равными членами. К их жизни и размышлениям что-то прибавилось, пусть малая толика света и смысла. То, что до сих пор было домашними толками, историями из далекого, более чем полувекового прошлого, предстало вдруг в подлинном, несомненном, непреодолимом значении. Что-то же привлекло в эти дни к ним, на берег Сосны, писателя из Словакии - Ивана Махала, автора книг о Ван Гого, о Хемингуэе и о Паустовском,

что-то позволяло журналистов из Одессы, которым пришлось разместиться не в гостинице, а в нашем купейном вагоне, дождавшемся нас в Ливнах, ибо одеситам как... иностранцам не по карману оказалась ливенская гостиница по сказочным ценам для чужеземцев. Что-то толкнуло в Ливны молодого сельского столыра из Краснодарского края, уверовавшего в двух святых российской духовности, в Чехова и Паустовского, Дмитрия Лабутина, готового примчаться хоть на край света; что-то привело сюда поэта из Полтавы, Федора Гарина, тоже отправленного на вагонную полку непреклонным гостиничным начальством. Что-то толкнуло к нам в эти дни жителя Заполярья, учителей, ученых, а почтовиков Ливен поразила телеграмма из Бразилии, из Сан-Пауло, от Ноэ Силва, филолога, исследователя творчества Паустовского, известившего, что, к великому сожалению, он не поспевает в Ливны, так как только вчера с успехом защитил докторскую диссертацию о жизни и творчестве Паустовского.

Мир Паустовского и Ливны! На первый взгляд это покажется несоразмерным, чтобы соединить две эти реальности, нужны десятки, если не сотни страниц Паустовского, главы из истории его жизни, письма писателя и, если угодно, его жизненная вера и философия. Когда мы сообщали искать имя для журнала, родившегося в недрах литературного Музея-Центра Паустовского в Кузьминках (в Москве), в скромном парковом особнячке, то не без робости остановились на таком решительном, а на чей-то взгляд нескромном, вызывающем имени «МИР ПАУСТОВСКОГО».

Но вот Музей-Центр узаконен государством, он уже не нищенствует, как положено бесправному «народному», сиречь - самодельному музею, и его сотрудниками уже выпущено в свет 8 номеров журнала «Мир Паустовского». Готов, отпечатан и очередной, 9-й номер, и в нем два десятка страниц отданы Ливнам: воспоминаниям, документам, редким фотоснимкам. Это Ливны 20-х и 30-х годов.

И случилось так, что имя «Мир Паустовского» прижилось, воспринимается не как покушение на великих, прочитывается тысячами и тысячами читателей Паустовского как нечто совершенно естественное, простое и непретенциозное, как явление... природы. Сотрудники Музея-Центра, немало переволновавшиеся при первых шагах своего издания, люди скромные и знающие разность масштабов наших современников и таких гигантов, как Пушкин или Достоевский, давно уже ощутили нормальность и беспетенциозность названия своего журнала. Сегодня, когда на первые же номера журнала откликнулись и продолжают откликаться не десятки - сотни корреспондентов, редакция и ее главный редактор Корнилова Галина Петровна, талантливый прозаик, ученица Паустовского, знает, что этот источник не иссякнет, а если спустя годы материалы оскудеют, значит, задача журнала будет выполнена и на смену ему придут другие формы, научные сборники, а то и литературно-художественный журнал, хранящий атмосферу творчества и поисков Паустовского.

Интеллигенция Ливен, сотни ее жителей терпеливо добивались появления Дней Паустовского на своей земле, уступив первенство Москве, Тарусе, Одессе, Рыбному и древней реке Рось под Белой Церковью. Ливны приняли гос-

тей нынешним летом, приняли без шумихи и помпезности, таких ненавистных Константину Георгиевичу. Более всего разговор шел о двух его долгих приездах в Ливны, о судьбах многих ливенцев, давно умерших и тех, кто еще жив, - увя, их, старых знакомцев, осталось очень мало, - о рождении в ливенские приезды нескольких рассказов Паустовского, но более всего о повести «Кара-Бугаз», мысль о которой зародилась в Ливнах, толчком послужила дружба с геологом Александром Дмитриевичем Нацким, фигуру которого, его образ писатель увековечил в главном действующем лице повести, геологе Шацком.

Что ж, едва ли не каждый писатель за годы работы и скитаний обретает новых друзей, «подпиывается» чужими жизнями, драмами и откровениями. Но очень немногим даются эти случайные встречи с таким проникновением в судьбы людей, с таким пониманием их неразрывной связи с жизнью народа, с историей современности, которая соединяет их навсегда. Мало сказать: Паустовский побывал в Ливнах в середине двадцатых годов, а затем - в 1931 году. Ливны стали частью его жизни, столь же сущей, как и Солотча или Одесса, при всей несоразмерности масштабов и времен. Приняв в себя с сыновней благодарностью Ливны, он стал навсегда страницей истории Ливен.

Слушая выступления почитателей и знатоков творчества Паустовского, убеждаешься воочию, как много может сделать литература для единения людей, для очищения самой атмосферы жизни, изгнания из нее озлобленности и воинствующего, агрессивного эгоизма.

Радостно было услышать, вопреки зловещим слухам о «кончине» библиотеки имени Паустовского в связи с предстоящей продажей с аукционных торгов здания, где располагается эта библиотека, любимая ливенцами, с 35000 томов книжного фонда, что она будет существовать наряду с большой ливенской библиотекой имени Пушкина. Если Дни Паустовского в Ливнах хотя бы в малой степени помогли сохранению библиотеки Паустовского, тогда «съезд гостей» на берегу Быстрой Сосны уже может считаться благом.

Не могу не сказать о широте и административной щедрости, точнее, о размахе, с которым ливенская гражданская администрация организовала этот праздник культуры, причем почти сразу же по завершении дружного, очень важного для Ливен юбилея: философа и теолога Сергея Булгакова, чья жизнь тесно связана с Орловщиной, и прежде всего с Ливнами.

В Ливнах, как нам показалось, хорошо хозяйничают, особенно на земле, в деревне. Кормят население превосходным хлебом и молочными продуктами подешевле, чем это достается большинству россиян. Поживи мы в Ливнах дольше, загляни в иные дальние закоулки, и мы, я думаю, набрали бы и на отзвуки обихода для страны бед и недомоганий. Но мы для Ливен отнюдь не были высокими персонами, никто ради нас не стал бы суетиться по части торговли или хлеба, испеченного из отличной крупчатой муки.

Мы накоротке вошли в обыкновенную, заурядную жизнь, какой живут работающие ливенцы изо дня в день. И родилось ощущение относительного благополучия, спокойствия, уравновешенности, всего того, чем мы научились так дорожить в последние годы.

16 августа 1996 г.